

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

„САМОМУ ВСЕ УВИДЕТЬ, ПРОЧУВСТВОВАТЬ“

О ВСТРЕЧЕ С ПИСАТЕЛЕМ АРКАДИЕМ ГАЙДАРОМ РАССКАЗЫВАЕТ ХАРЬКОВЧАНИН
СЕРГЕЙ ФЕДОТОВИЧ АБРАМОВ

В Каневе, что на Черкашине, есть библиотека-музей А. П. Гайдара. Среди множества экспонатов хранится здесь и письмо, полученное весной 1942 года сыном писателя — Тимуром. Из него он узнал, что отец погиб 26 октября 1941 года. Письмо было подписано лейтенантом С. Абрамовым.

Сейчас Сергей Федотович Абрамов, участник Великой Отечественной войны, партизан-ковнаковец, кавалер двух орденов Отечественной войны и ордена Красной Звезды, живет в Харькове.

И вот я в гостях у человека, судьба которого связана с именем легендарного писателя. На его столе — письма. Из разных уголков Советского Союза, социалистических стран. Порой без адреса. Просто — «Харьков, Абрамову». И в скобках: «который воевал с Гайдаром».

— Доходят? — спрашиваю у Сергея Федотовича.

— Как видите. На почте уже знают, если пишут красивые следопыты Абрамову, значит, это мне. Трудно отвечать всем корреспондентам. Но не ответить — тоже нельзя. Дети есть дети. Они хотят узнать как можно больше из героического прошлого их отцов.

У него широкое доброе лицо. Глаза с прищуром и длинные усы. Сергей Федотович изредка пощипывает их и тихо рассказывает.

— Наши войска с боями отходили от Киева. Был я тогда командиром роты понтонного батальона. Город покидали последними. От роты и осталось человек восемь-надесять. По лесам пробирались к линии фронта.

Сидим мы однажды с бойцами, план будущих действий обсуждаем. Вдруг между деревьями пробирается кто-то.

Остановили мои бойцы подозрительного. Потребовали предъявить документы. А он шинель свою без погон и знаков отличия быстро поправил, руку протягивает и улыбается:

— Гайдар я. Корреспондент «Комсомольской правды» по Юго-Западному фронту.

Мы так и опешили. Ведь многие из нас живого писателя никогда в жизни не видели. А тут сам Гайдар. Кто ж его не знает!

Кто-то из солдат обратился ко мне:

— Товарищ лейтенант, gotta надо бы попотчевать Озяб, поди. Я мигом за болотнячком сбегу.

Болотнячком мы чай называли. Родников поблизости не было. Одно болото кругом. Наберешь из него водички, вскипятишь на костре — и то дело.

Гайдар тем временем у огня расположился. Греется, руками похлопывает. А я думаю про себя. И мысли все какие-то странные в голову идут. Писатель — это, конечно, хорошо. И даже любопытно. Но не в данной ситуации, когда не знаешь, из-за какого дерева пуля тебя найдёт. Место ли ему здесь? И

ведь в самое пекло лезет. А если что случится?

Аркадий Петрович будто чувствовал, о чем я думаю.

— В обузу не буду? А то ведь планы у меня обширные. Хочу с вами остаться. Если не возражаете, конечно. Очень нужно мне быть именно здесь, понимаешь. Все самому увидеть, прочувствовать.

Так он попал в наш отряд. Было это в конце сентября 1941 года. А буквально через день благодаря его совету была спасена жизнь многих из нас. А дело было так...

Передвигались мы, в основном, лесом. На опушку выходить опасно. Фашистские снайперы не одного храбрца уложили. А однажды разведчики принесли радостную весть — ни тебе засады, ни одного фрица. На несколько километров впереди — чистое поле. Тут же кто-то предложил:

— Сколько можно по зарослям шататься без воды, без еды? Не махнуть ли нам прямо через поле. Самый короткий путь к линии фронта.

Мы, было, уже стали собираться в поход, как подошел Аркадий Петрович и говорит:

— Лично я бы полем не советовал идти. Что ж это, вчера еще оцепление стояло, фашисты никого из лесу не выпускали, а сегодня на тебе, иди, пожалуйста. Ловушка здесь, ребята, ловушка...

Послушались мы совета Гайдара.

В ту же ночь мы благополучно вышли из окружения. Только в другом месте, там, где нас не ждали. Не помню сейчас, сколько еще дней носила нас судьба по лесам да болотам, голодных, промерзших, пока не вышли мы на партизанский отряд. Командовал им секретарь Гельмязевского райкома партии Федор Горелов. Активных действий в то время партизаны еще не вели. Отряд только формировался. Не хватало опытных командиров. Да и бойцы были обучены крайне плохо. Поэтому наш приход был встречен с радостью. А когда Федор Дмитриевич попросил остаться и помочь партизанам в активизации боевых действий, Гайдар тут же ответил:

— Не знаю, как вы, а я остаюсь. Это как раз то, что мне нужно.

Остались, конечно, и мы. Гайдар быстро познакомился со всеми партизанами, укладом их жизни. И на первой же оперативке заявил:

— Не пора ли, братцы, за настоящее дело браться? Так, смотришь, от безделья и животники повьрастают. А для того, чтобы мы могли хорошо ориентироваться в обстановке, предлагаю для начала какого-нибудь видного фрица в плен захватить.

Предложение было тут же одобрено. И тогда Гайдар спросил:

— Кто со мной пойдет?

Тут же нашлись добровольцы. Среди них был и я. Помню, Горелов долго уго-

варивал Аркадия Петровича отказаться от участия в этой операции. Но Гайдара, если он чем-то загорелся, трудно было переубедить.

В тот вечер, когда нам, после долгих часов ожидания, все же удалось захватить ценные документы, я убедился еще в одном хорошем качестве характера Гайдара. В самых острых ситуациях, когда, казалось, душа в пятки уходит, Аркадий Петрович обладал удивительным спокойствием и решительностью. В его действиях непременно уживались этакое молодеческое лихачество и в то же время здравый, холодный расчет. Он шел прямо на пули, с открытым лицом и горящими ненавистью глазами. Эта его решимость вселяла в нас веру в успех.

Никогда не забуду бой у лесопильного завода. Фашисты превосходили нас в силах раз в три. И когда уже сопротивляться было бесполезно, из окопа выскочил Гайдар. В серой истрепанной шинели, разевавшейся на ветру, в лисьей шапке на самом затылке, он закричал:

— Гранатами их, братцы!

И сейчас трудно поверить, что ни одна пуля не задела смельчака. Очевидно, фашисты просто опешили. Настолько неожидан был для них поступок этого русского, выскочившего под град пуль из окопа, что они даже перестали стрелять.

Уже позже за свой опрометчивый поступок Аркадий Петрович получил добрую взбучку от командира. Но зато с каким юмором, в самые тяжелые для отряда дни, Горелов рассказывал бойцам, как «Гайдар немцев напугал».

Я не помню случая, когда бы Гайдар, если речь заходила о каком-либо сложном задании и спрашивали добровольцев, не выходил из шереги первым. Поначалу его пытались уговорить. Но он злился. И мы перестали его навязчиво опекать. Поняли, обижаем этим человека. Natuurой он был силен, горделив. И не терпел, когда его пытались от чего-то оградить.

— Я такой же боец отряда, как и любой из нас. И есть хлеб, когда кто-то в это время рискует жизнью, не могу.

Так было и перед той последней операцией, когда после боя у лесопильного завода отряд перебазировался на другое место. Мы должны были вернуться на старую стоянку и принести продукты. Поход предстоял трудный. И не только потому, что надо было преодолеть несколько десятков километров по болоту. Никто из нас не был убежден, что на старом месте не устроят фашисты засаду. И все-таки мы пошли — Гайдар, Скрышник, я и еще двое бойцов.

К месту бывшей стоянки отряда добрались благополучно. Засады там не оказалось. Набили в мешки мяса и двинулись в обратный путь. На опушке леса, у 63-го километра железной дороги Канев — Золотоноша остано-

лись на привал. С жадностью затыгивались крепким самосадом. «Вот обрадуются ребята! — говорил Гайдар. — Ждут, наверное, нас, не дождутся. Картошки бы еще прихватить к мясу. Попировали бы бойцы!».

Кто-то предложил: может быть, махнуть за картошкой к Сорокопуду? Помолчали. Идти никому не хотелось — устали сильно.

— Я схожу, — сказал Гайдар и скрылся в густом предутреннем тумане.

А через несколько минут раздался крик:

— Ребята, немцы!

Как позже выяснилось, этого мгновения вполне хватило бы, чтобы перемахнуть через железнодорожное полотно. Но Гайдар думал о другом. Он крикнул, чтобы предостеречь нас. И тут же раздался треск пулеметной очереди.

Этого мгновения хватило и для того, чтобы мы забросали засаду гранатами. Когда фашисты опомнились, то начали бешено палять.

Пришлось отступить. Но мы не знали, что с Гайдаром. Его судьба беспокоила нас. Может быть, он ранен? Решили во что бы то ни стало найти его. Осторожно пробрались к насыпи. Гитлеровцы заметили нас, открыли огонь. Разряды последние патроны, мы скрылись в лесу. Ночью навестили Сорокопуда. От него и узнали, что Гайдар погиб. Несколькими часами раньше он похоронил писателя.

Сергей Федотович покрутил усы. Посмотрел пристально на меня и как-то горланно выдал:

— Так это было...

Я спросил у Абрамова про письмо, из которого спустя полгода страна узнала о гибели Гайдара. Рассказал мне Сергей Федотович, как перед одной из операций подсел к нему Гайдар. Грустный какой-то. Начал рассказывать о Москве, о семье, сыне Тимуре. А потом вдруг и говорит: «Запиши-ка ты мой адрес. Так, на всякий случай. Нет, лучше не домашний. А прямо на Союз писателей. Вернее дойдет. И если что случится, сообщи родным».

Сразу выполнить просьбу Гайдара Абрамов не смог. Отряд Горелова был разгромлен. Вместе с оставшимися в живых бойцами Абрамову удалось выйти из этого района. Он попал в партизанский отряд С. А. Ковпака. С Большой землей тогда связи не было. Первый самолет прилетел лишь в конце апреля 1942 года. Им и передал Сергей Федотович письмо.

Я читал это письмо. Заначивается оно так: «...Конечно писать, мне трудно теперь вспомнить то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича... Мы обещали отомстить врагу за то, что они его убили. И мы отомстим так, как умел мстить тов. Гайдар. Он всегда храбро дрался и героически погиб».

А. САВВОВ.

Харьков.